

ПРИЧИТАНИЯ ВЕПСОВ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА

ричитания являются древнейшим, наименее изученным жанром устной ритуальной поэзии, представляют собой особую художественную форму, реализующуюся в различных обрядах перехода. Традиция причитывания сложилась не у всех народов прибалтийско-финской группы. Кроме вепсов причитания известны карелам, ижоре, эстонцам-сету и води. В вепском фольклоре жанр причитаний считается одним из наиболее архаичных¹.

Многочисленны свидетельства о развитой традиции причитывания у вепсов в недавнем прошлом: «Обязательным считалось исполнение причитания на похоронах родителей, особенно полагалось плакать дочери на похоронах матери. На свадьбе невеста должна была причитывать сама, о чём свидетельствуют данные полевых записей» [6, с. 6]. Вепскую музыкально-фольклорную традицию можно охарактеризовать как тип с высокой плачевой культурой, что органично в контексте культуры Русского Севера.

Существовали различные виды причитаний: *обрядовые* (свадебные, похоронные плачи, рекрутские²) и *внеобрядовые* или «причитания по случаю» (например, «прощание с родным домом», «по родной стороне» и др.) [4, с. 191]. «Термин “причитание, плач” в вепском языке звучит как *voik*, исполнять плач – *voikta* или *voikta änel (äniü)* “плакать, причитывать” или “плакать голосом”», – отмечают составители сборника причитаний [19, с. 12]. Этимология глагола *voikta*, по мнению исследователей, имеет ономастический характер. Глагол сравнивают «с вепс. *voivotada*, фин. *voivottaa* – “охать” и возможной параллелью с эстонским *uigutada*, *uikeajada* со значением “петь плача, исполнять свадебную песню”...» [6, с. 14].

Причитания являлись неотъемлемой частью обрядов семейного цикла, сопровождали их основные этапы. Во время *свадьбы* пла-

чи начинали звучать сразу после рукобитья; в предсвадебный период – при посещении могилы умершего родителя; накануне свадьбы – при посещении бани, ритуальном расчесывании волос, обряде «красования», расставании с «белой волюшкой». Плачи звучали и в день свадьбы, когда причитывали по разному поводу (начиная с прибытия жениха). Согласно К. Салве, «сирота-невеста с причитанием уходила из избы искать своих умерших родителей (родителя) и во втором причитании, возвращаясь в избу, сообщала, что она не нашла их ... Невеста причитывала также, прося благословения родителей» [16, с. 258].

В канве *погребально-поминального обряда* причитания, звучавшие в течение всего времени нахождения покойного в доме, были главным жанром, интегрирующим вербальный и звуковой коды ритуала. Причитания являлись основным способом *обрядовой коммуникации*, поскольку народное сознание наделяло их важным свойством: они хорошо слышны миру мёртвых³.

Необходимо отметить, что научный интерес к прибалтийско-финским причитаниям как особому жанру народно-поэтического творчества возник лишь в XX веке. До настоящего времени крупных публикаций вепских причитаний не существовало. Отдельные поэтические тексты были представлены в различных сборниках фрагментарно. Наиболее ранние записи вепских причитаний сделаны финскими исследователями: Э. Н. Сетеля, Ю. Х. Кала, А. О. Вайсанен, Л. Кеттунен, П. Сиро, А. Совиярви, Р. Пелтола, Ю. А. Перттола.

Э. Н. Сетеля и Ю. Х. Кала ещё в конце XIX века (в 1888–1889 годы) записали тексты 12 причитаний у северных и средних вепсов. Эти тексты вошли в сборник диалектных текстов «Näytteitä äänis-ja keskivepsän murteista». А. О. Вайсанен зафиксировал в «Vepsäläinen

laulukokoelma» более десяти текстов причитаний у южных и средних вепсов (1916). Самая ранняя аудиозапись свадебного плача сделана Л. Кеттуненом в 1918 году в южновепсской д. Радогощь. Л. Кеттунен и П. Сиро опубликовали в сборнике образцов речи «Näyteitä vepsän murteista» текст одного причитания, записанного в южновепсской д. Радогощь (1934). А. Совиярви и Р. Пелтола зафиксировали на территории вепского Прионежья во время Великой Отечественной войны четыре текста причитаний. Ю. А. Перттола в 1949 году собрал в рукописи «Piirteitä äänisvepsäläisten avioliiton solmimistavoista» материал по свадебной обрядности, включающий 12 текстов причитаний. Р. П. Лонин фиксировал причитания у северных и средних вепсов (в верховье р. Ояти) с 1956 по 1964 год. Его книга «Minun rahvhan fol'klor» включает 8 текстов (см.: [4]).

Изучение вепских причитаний российскими учёными началось со второй половины XX века и связано в основном с лингвистическими и этнографическими исследованиями. Среди учёных выделим: Н. И. Богданова, О. Ю. Жукову [4; 5; 6; 19], М. И. Зайцеву [19], В. П. Кузнецову [10]⁴, М. И. Муллонен, М. М. Хямяляйнен. Уникальные материалы хранятся в фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Вепскую причеть с точки зрения её музыкальной специфики изучали Е. Е. Васильева [2; 3], В. А. Лапин [13], И. Б. Семакова [11; 12; 17; 18], С. В. Косырева [19] и другие. Так, И. Б. Семакова изучала музыкальные особенности, в частности, ритмический строй причитаний средних и северных вепсов, отмечая типологическое сходство их ритмической стороны [11, с. 33], а также сравнивала вепскую и русскую причетные традиции на уровне музыкального синтаксиса [17]. Аудиозаписи причитаний, зафиксированных исследователем, хранятся сегодня в Фольклорном архиве Института традиционной музыки Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова.

Большой вклад в собиране и изучение вепских причитаний в 70–80 годы XX века внесли эстонские исследователи: К. Салве [16], М. Йоалайд [8], И. Рюйтел [14; 15], М. Реммель [15] и другие. Собранные учёными материалы хранятся в фольклорном архиве Литературного музея Эстонии (Тарту) и архивах Таллина.

В 2012 году опубликован сборник “Käte-ške käbedaks kägoihudeks” («Обернись-ка милой кушечкой») – первое крупное издание, включающее 83 вепских причитания – самая полночная на сегодняшний день публикация вепских причитаний (см.: [19]). Автором статьи транскрибированы все образцы, исполненные напевом (всего 25 причитаний). Важно отметить, что в данном издании впервые в отечественной науке при нотации образцов применён метод аналитической графики, основанный на теории Е. В. Гиппиуса об определяющей роли структурных закономерностей поэтического текста в музыкальной композиции фольклорного произведения импровизационно-повествовательного склада. Кроме того, аналитическая нотация «позволяет дать в нотной графике наглядное пространственное представление об архитектонике формы музыкально-фольклорных произведений благодаря соблюдению при расположении нотного текста принципа масштабно-временного соответствия разделов»⁵.

Однако в целом работы, посвящённые различным аспектам музыкального языка вепской причети, немногочисленны. Вероятно, это связано не только с недоступностью и малочисленностью материалов, но и со сложностями, возникающими уже на стадии расшифровки музыкально-поэтических текстов причитаний. По мнению И. И. Земцовского, «причень должна изучаться как жанр особого рода. Она представляет собой немusикально обусловленную импровизацию с большой степенью ненотируемой, непредсказуемой исполнительской свободы... Её клише – это клише процессов...», и далее: «причень – “не-песня”, и её исполнительские воплощения – не варианты. Реальная причеть всегда одновременно и “произведение”, и “процесс” (и то, и другое имеет открытую форму)» [7, с. 156]. Учёный призывает к необходимости скрупулёзнейшего вникания в акустическую и интонационную «плоть» причети [там же, с. 160]. Задача данной статьи заключается в том, чтобы, с одной стороны, охарактеризовать феномен вепской причети (с позиций этномусикологии явление малоизученное), с другой – актуализировать проблему изучения музыкального языка, в частности звуковысотного строя, тембра и артикуляции, влияющих на процесс интонирования с помощью применения современных исследовательских технологий и данных музыкальной акустики.

Выделим три локальные традиции причитания у вепсов, совпадающие с диалектными группами: *северновепсская* (Прионежский р-н Республики Карелия); *средневепсская* (Подпорожский, Лодейнопольский и Тихвинский р-ны Ленинградской обл. – западные говоры; Бабаевский и Вытегорский р-ны Вологодской обл. – восточные говоры); *южновепсская* (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.). По наблюдениям исследователей, к концу XX века лучше всего причитания сохранились у южных и средних вепсов [8, с. 17]. У северных вепсов традиция почти утратилась.

Причитания диалектных групп характеризуются различием на уровне поэтических текстов. О. Ю. Жукова отмечает, что «причитания южных вепсов несколько схожи со средневепскими по стилистическим приёмам, иногда в них встречаются те же традиционные языковые формулы. Различия же объясняются диалектными особенностями, расхождение в системе метафорических замен терминов родства» [4, с. 194]. К. Салве наблюдает сходство восточных (южных) и оятских (средних) вепсов, образующих единую традицию, и отмечает наибольшие различия последних с северными вепсами. Эти различия, вероятно могут объясняться значительным удалением северных вепсов от основных вепских районов и соответственно более тесным контактом первых с русскими жителями края⁶. Вместе с тем И. Рюйтел, говоря о проблемах взаимосвязи музыкальной структуры вепских и северорусских причитаний, отмечает наряду со сходными, и отличительные черты: «Основной отличительной чертой вепских причитаний можно считать их более свободный метrorитмический строй, тесно связанный с текстом, со структурой вепского языка, а также следующее за нижним опорным звуком понижение на последних слогах строки, произносимых говорком» [14, с. 132–133].

В поэтических текстах причитаний северных вепсов «почти не встречается аллитерация, нет тех метафорических замен и иносказательности, которая свойственна причитаниям средних вепсов» [4, с. 193]. Вместе с тем в поэтическом языке северовепских причитаний сохраняется лексический строй северно-русской причети: «вопленицы-вепсянки употребляют вепские слова, выражения, изменяют грамматические формы русских слов, ударения» [12, с. 22]. Необходимо отметить, что в 1970-е годы причита-

ния у северных вепсов фиксировались только на русском языке⁷, в то время как у средних вепсов похоронные плачи бытуют до сегодняшнего дня в основном на вепском языке. Свадебные причитания невесты и её родственников звучали на вепском языке, а причеть плакальщиц *voikatai* могла звучать и по-русски [19, с. 15]. Несмотря на это, по наблюдениям И. Б. Семаковой, «музыкальный язык традиционной культуры вепсов сохраняет информацию об истинной этнической принадлежности населения вне зависимости от его этнического самосознания и языка общения» [17, с. 86].

Одной из характерных особенностей музыкально-поэтической композиции причитаний вепсов является «построение их в форме обращений». При похоронном обряде причитывающая постоянно обращается к умершему человеку или умершим родственникам; в свадебном плаче невеста обращается к родителям, другим родственникам, крестной матери, подругам, соседям, а мать – к своей дочери-невесте. Согласно традиции, адресаты-женщины также должны были выступать с ответными причитаниями [16, с. 259]. По наблюдению В. П. Кузнецовой, «... тексты причитаний состоят из обращений к участникам обряда с просьбой выполнить то или иное действие. Причитание является как бы стержнем обряда, оно регулирует последовательность событий, определяет, что и как должен делать тот или иной персонаж» [10, с. 151]. При этом, благодаря устоявшимся в плачах обращениям сохранились некоторые особенности языка: «(*kalliž*) *kandjaihude-m* “моя (дорогая) меня выносившая, носившая” (обращение к матери), (*kalliž*) *kazvatajaiže-m* “мой (дорогой) меня вырастивший, растивший” (обращение к отцу), (*libed*) *linduiže-m* “моя (милая) пташечка” (обращение к детям, сыну, дочери, внуку, невесте и др.), (*sokol*) *sorzeiže-m* “моя (милая) уточка” (букв. “сокол-уточка” (обращение к дочери, сыну и др.), (*vouged*) *peiveihude-m* “мое (белое) солнышко” (обращение дочери к отцу, реже к матери), (*polni*) *polnikeiže-m* “моя (полная) половиночка” (обращение к мужу); *viikoihude-m* “мой братец”, *čičoihude-m* “моя сестрица”, *tatoihude-m* “мой отец”, *mamoihude-m* “моя матушка”» [19, с. 17].

Пожалуй, самой важной ситуацией, связанной с причитыванием (также общей для всех локальных традиций), является момент, когда невеста отпускала «белую волюшку» “*vouktan*

voudaizen” [16, с. 258]. «Белая волюшка» – это душа девушки, и отпусkanie «белой волюшки» означает отпусkanie символа девичества, ухода из отчего дома, означает, что связь невесты со своим родом оборвалась [там же, с. 260]. «Белая волюшка» – сложный полисемантический образ. В северно-русской причетной традиции аналогом является «воля-красота». Согласно Т. А. Бернштам, «красота» – «живой образ», символизирует древние представления славян, в основе которых лежат «верования о множественности “душ” (в древнем смысле слова anima), сосуществующих вместе или сменяющих друг друга в определённые жизненные циклы...»; «является душою девушки, которую она утрачивает, выходя замуж» [1, с. 56–57]. «Расставание с “красотой” – один из актов многосоставного и многослойного, протяжённого во времени прощания невесты со всем, что происходило с ней и окружало её в девической жизни» [1, с. 47]⁸.

Материальным символом «белой волюшки» в вепском свадебном обряде была шелковая лента, вплетённая в волосы невесты. Согласно описаниям обряда, «белая волюшка» как правило передавалась незамужней сестре или подруге. Имеются также сведения о привязывании ленты к дереву, которое растёт во дворе отчего дома. Причитания показывают возможности для передачи «белой волюшки»: отец, мать, брат, сестра, отчий дом, черёмуха во дворе, подруги, солнце. Однако невеста находит у всех недостатки в качестве хранителей «белой волюшки», и в результате наиболее достойным хранителем оказывается названная последней сестра или подруга. «Белую волюшку» можно определить центральным объектом причитывания (пример № 1). Этот мотив пронизывает весь цикл причитаний [16, с. 260].

Пример № 1

Minun vouged da voudeine-se om kesken krasuižetmatoi, kesken likuižetmatoi (прощание с вольной волюшкой)⁹

♩=180

I So - tei - či - žoi - hu - dem, vou - ged pei - vei - hu - dem,

i ka - bar - da - ške mi - nun kai - diid da har - dei - žid - ni,

ka - bar - da - ške si - nā mi - nun hoi - kid vei - vei - žid - ni.

I ka - kuh - ta - ške, mi - nā mič - čen du - mei - žen - se du - mein, mič - čen ra - doi - žen - se ra - doin.

I po - ru - čin i vouk - tan vou - dei - žen i kras - ni - jan kra - so - tei - žen - se,

i mi - nei - vou - ged da vou - dei - ne - se om i kes - ken kra - sui - žet - ma - toi, kes - ken li - kui - žet - ma - toi.

I se - tei - či - žoi - hu - dem, kra - sui - žei - ta - ške i li - kui - žei - ta.

Необходимо отметить, что представленный выше пример является единственным известным образцом, репрезентирующим двухголосное исполнение. До недавнего времени считалось, что у вепсов нет коллективных плачей¹⁰.

Причитания вепсов репрезентируют свободную, импровизационную форму текста и напева: слово, напев и плач составляют весьма тесно взаимосвязанное целое (связь слова и напева проявляются гораздо сильнее, чем в рунических песнях) [13, с. 185]. По мнению И. И. Земцовского, «связь текста с напевом в жанре причети имеет особый характер: она необыкновенно тесная, вплоть до того, что от речевого интонирования зависят лад, ритм, звуковысотность, тембр и темп, но – при этом на “один напев”, то есть на одну причетную музыкальную “формулу”, точнее на один тип музыкально-ритмической организации причетного слова, плача импровизирует множество разных поэтических текстов» [7, с. 158].

Музыкально-поэтическая форма вепской причеты в целом определяется: тирадным строением поэтического текста, развитой системой поэтического параллелизма, аллитераций и ассонансов, системой табуирования терминов родства [19, с. 16–17]. Такого типа тираду, как *вепская причетная мелострофа*, Е. Е. Васильева выделяет в особый ранг, «как определённый тип интонирования и форму, настолько активно живущую в традиционном музыкальном сознании, что при некоторых условиях она реализуется в песнях различных жанров» [3, с. 172]. Аллитерация в причитаниях вепсов, чаще всего связывающая два слова, в основном, сильная, то есть, как правило, совпадают начальный согласный звук и следующий за ним гласный¹¹. В поэтическом стихе, не обладающем постоянным количеством слогов (варьирование по слогу весьма значительно), слова подбираются по принципу увеличения в заключительных лексемах количества слогов и, таким образом, конечная часть строки заполняется более длинным словом. Для начальных сегментов стиха характерны более короткие слова¹².

Мелодике вепской причеты в целом присуще нисходящее направление¹³, небольшой звуковой объём (в амбитусе квинты/кварты), преобладание ступенчатого движения, отсутствие больших скачков. Внутрислоговая распевность отсутствует. Заключительные сегменты мелодических построений, как правило, аугментированы, наблюдается также спуск на неопределённый звук (говорком). Вепской причеты свойственна речитативная манера исполнения¹⁴ (пример № 2).

Пример № 2 *I sanu-ske, i nevo, kalliz kandjoihudem* (дочь плачет по матери; покойник в доме)¹⁵

U - žes - ke si - nā li - bu - ta - li - žid kan - d'oi -
hu - de - m(e), - ro - di - mi ro - di - tel' ma - mu - ško.
(.) sta - nou - de
pa - k(e) - si - le pa - gi - noi - le - se ne - ni - le, (.)

Начальные сегменты мелодических построений в процессе интонирования характеризуются техникой ритмического укорочения ударного слога. Это явление с позиций физиологии вепского плача выявила И. Б. Семакова, наблюдая над природой певческого дыхания в связи с эмоциональным состоянием плачеи: «В музыкально интонируемых причитаниях вепсов на родном языке очень часто ударные слоги в словах, располагающиеся, как правило, в начале музыкально-интонационных ячеек напева, укорачиваются по времени звучания относительно своего структурно-типологического музыкально-ритмического норматива» [18] (пример № 3).

Пример № 3 *Minun vouged voudeine sirotski* (невеста причитывает о своей волюшке)¹⁶

Po - ru - či - ba i za - lo - ži - ba ku mi - nun
vouk - tan da vou - dei - žen - se,
i kra - sni - jan da jo kra - so - tei - žen - se,
i tu - u - kei - tas - se i - lü - kei - tas jo mi - nun
ro - di - mi - jad ro - di - te - l'ad - ne
i ver - ha - ze da jo ag - ja - ha - se
i ve - ko - ve - čni - ja - le da up - lo - š(he), -
i ku - tak mi - nā jo e - laš kan - den i o - pen - daš - kan - de - moi,

Согласно О. Ю. Жуковой, «несомненна генетическая связь свадебных и похоронных причитаний. Нередко они исполняются на один напев и используют общую систему традиционных языковых формул» [6, с. 15]. Для большинства вепских похоронных причитаний характерно постепенное повышение тесситуры (до полутора тонов). Причиной этого явления очевидно является интенсивность интонирования, связанная с повышенной эмоциональностью (пример № 4).

Пример № 4 *Užeške i minä probuin pagištoitta
i lodeižoitta ičiin' da sizaruden-se*
(плач по сестре перед выносом из дома)¹⁷

♩=170

U - že - ške i jo mi - nä pro - buin pa - giš - toit - ta
i lo - dei - žoit - ta jo i - čiin' da si - za - ru - den - se,
i - če - toi či - žoi - hu - dem,
sta - no - vi - de - ške mi - nun - ke pak - sui - le
pa - gi - nei - ži - le - ni
i las - kvi - le lo - dui - ži - le mi - nun - ke(i)
jal'g - mei - ne ne - ce i čö - ma ker - dei - ne,
I se - tei či - žoi - hu - dem jo, ku - tak si - nä
du - meid' ne - cen du - mei - zen - se.

Индивидуальной эмоцией плачеи обусловлена *нестабильность вокального строя* в причитаниях вепсов¹⁸. Существенными компонентами здесь являются близость к речевому интонированию и собственно плач (рыдания) – физиологическая, эмоционально обусловленная реакция. Поэтому звуковая ткань причета наполнена не только «звуковыми плато» (стабильными высотами), но даже в большей степени – «переходами-скольжениями» (см. примеры № 3, 4). В связи с этим такой способ высотной сегментации (то есть выделения дискретных событий в непрерывном звуковом потоке), как выделение сегментов, соответствующих ступеням звукоряда, в вепсской интонационной культуре становится недостаточным при изучении жанра причитаний.

Необходимо отметить, что впервые опыт нотации и исследования вепсских причитаний с позиций музыкальной акустики предпринят

эстонскими учёными И. Рюйтел и М. Реммель [15]. Учёные, используя доступный для своего времени инструментарий, выявляют, в частности, методы для нотаций мелодий с преобладанием высотных скольжений (привлекая эвристический подход).

Сегодня живая традиция вепсской причети стремительно угасает, а метод слухового анализа фонограмм не позволяет адекватно воссоздать фольклорное явление как феномен традиционной культуры, объект научного исследования. Поэтому при изучении музыкальной культуры вепсов, в частности, анализе звуковысотных структур, вокальных строев в причитаниях (которые не отражает существующая система нотной графики), необходимо применять современные компьютерные технологии.

Подобный опыт сегодня существует. Новосибирский этномузыковед Н. М. Кондратьева, чьи исследования сибирской музыки с применением современных компьютерных технологий опираются на универсально-грамматический метод В. В. Мазепуса, выявила следующее: «...в вокальных традициях Северной Азии ступени звукоряда не являются оптимальными по информативности базовыми элементами высотных систем. В различных интонационных культурах Сибири ... регулярно воспроизводимыми минимальными сегментами оказались вовсе не звуки определённой высоты, соответствующие общепринятому музыкально-теоретическому представлению, а высотные контуры, то есть звуки, меняющиеся по высоте. Именно эти контуры, реализуясь на ступенях звукоряда, формируют базис релевантных минимальных единиц музыкальной ткани, обладающий удивительными выразительными возможностями и создающий неповторимый интонационный облик каждой этнической культуры» [9, с. 117].

Исследование вокального строя в причитаниях вепсов, таким образом, актуализируется через выявление *интонационных моделей* (или инвариантов), релевантных тому или иному локальному стилю причетной традиции вепсов. Параллельно с этим, высотная сегментация в избранном ключе, включающая статистический анализ распределения высот звука, позволяет выявить звуковысотные ряды конкретных исполнителей и специфический лад, принятый в данной культуре. Наиболее эффективной для исследования звуковысотных закономерностей интонационных культур, из доступных на

сегодняшний день является программа *Speech Analyzer*.

Первоначальные наблюдения показывают, что в вепсской причетной традиции существуют интонационные модели (высотные контуры) двух классов: *стабилизированных* и *скользящих*. Каждый из них включает несколь-

ко типов и подтипов. Нами замечено, что конкретная реализация последних зависит в том числе и от фонетических условий. Дальнейшее исследование этих структур, анализ их тембра, а также статистическая картина позволят дополнить представление о феномене вепсской причеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Вепсы – один из древнейших народов Севера Европы. Первое упоминание о вепсах и чуди, с которыми связывают происхождение вепсского народа, в исторических источниках относят к середине VI в. Уже в первой половине I тысячелетия племена вепсов и чуди населяли Межозерье (пространство между тремя крупнейшими северными озёрами – Ладожским, Онежским и Белым). <...> В наше время территория традиционного расселения вепсов занимает узкую полосу вдоль Онежского озера и центральную часть Межозерья». См.: Строгальщикова З. И. Вепсы. Петрозаводск: Периодика, 2008.

² Записи рекрутских причитаний немногочисленны [6, с. 6].

³ О функции причитания как особого коммуникативного языка в похоронном обряде см.: [8, с. 17–24].

⁴ См., в частности, о вепско-русских параллелях на материале свадебной обрядности: Кузнецова В. П. О семантике карельских, вепсских и северно-русских свадебных причитаний // *Обряды и верования народов Карелии*. Петрозаводск. 1992. С. 109–126; Кузнецова В. П. Вепско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // *Вепсы: история, культура и межэтнические контакты*. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 126–147; Кузнецова В. П. Свадебный обряд // *Прибалтийско-финские народы России*. М.: Наука, 2003. С. 412–418.

⁵ См.: *Народное музыкальное творчество: Хрестоматия* / отв. ред. О. А. Пашина. 2-е изд. СПб.: Композитор, 2008. С. 14.

⁶ Основные проблемы сравнительного изучения русской причеты и причеты народов, издавна живущих с ними в соседстве, прежде всего финно-угорских сформулировал К. В. Чистов. См.: Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов // *Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии*. Петрозаводск, 1979. С. 13–20.

⁷ В. Лапин, исследуя феномен русской песни у вепсов, отмечает, что лирические песни, бытующие у северных вепсов, «остальным вепсам почти не известны» [13, с. 207].

⁸ Согласно Т. А. Бернштам, «... этот переход мыслится как резкое, внезапное изменение, смерть ста-

рого и рождение нового “Я”, – воли, независимости, права распоряжаться своей судьбой в жизни и смерти. Следы древнеславянских анимистических верований в существование “возрастных душ” видятся нам в образах (птица, растение) и предметных воплощениях девичьей “красоты/красы/воли”, расставание с которой подобно смерти» [1, с. 65].

⁹ См.: [19, с. 70–75]. 26. Первый голос: Мишакова А. М., г. р. 1911. Дер. Ладва (Ladv) Подпорожского р-на Ленинградской обл. Второй голос: Стафеева И. С., г. р. 1912, дер. Ладва (Ladv). Запись М. И. Муллонен, 1961 г. Транскрипция С. В. Косыревой.

¹⁰ В то же время данный образец нельзя однозначно отнести к *групповой* причете.

¹¹ Например, «*čōma čogaine*» (красивый уголочек) [19, с. 263–264].

¹² Подробнее о композиции и ритмическом строении поэтических текстов северно-вепсской причеты см.: [12, с. 22].

¹³ Присущее напевам древнейших песен многих народов нисходящее направление характерно также для карело-финских рун и русских северных былин [13, с. 188–190].

¹⁴ О речитативной природе плача см.: [7, с. 147, 153].

¹⁵ См.: [19, с. 135–138]. 55. Сидорова М. Г., г. р. 1907. С. Ошта (Ošt) Вытегорского р-на, Вологодской обл. Запись А. А. Митрофановой, 1962 г. Ф/архив ИЯЛИ КарНЦ РАН: № 206/1. Транскрипция С. В. Косыревой.

¹⁶ См.: [19, с. 88–91]. 31. Герасимова О. П., г. р. 1912. Дер. Ладва (Ladv) Подпорожского р-на Ленинградской обл. Запись В. П. Кузнецовой, И. И. Муллонен, И. Ю. Винокуровой, Н. Лукиной, 1989 г. Ф/архив ИЯЛИ КарНЦ РАН: № 3197/7. Транскрипция С. В. Косыревой.

¹⁷ См.: [19, с. 139–142]. 57. Максимова Е. С., г. р. 1937. Дер. Озёра (Järved) Подпорожского р-на, Ленинградской обл. Запись О. Ю. Жуковой, 2003 г. (личный архив). Транскрипция С. В. Косыревой.

¹⁸ Под вокальным строем понимается система, отражающая высотные характеристики звуков в процессе интонирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т. А. Обряд «расставания с красотой» (К семантике некоторых элементов культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 47–58.
2. Васильева Е. Е. Вепсская мелострофа в межджанровых отношениях причетной традиции // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 131–133.
3. Васильева Е. Е. Вепсская причетная мелострофа в межджанровых и межэтнических отношениях // Современное финно-угроведение. Л. 1990. С. 170–177.
4. Жукова О. Ю. История собирания вепских причитаний // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 191–195.
5. Жукова О. Ю. Языковые особенности вепских обрядовых причитаний: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009. 21 с.
6. Жукова О. Ю. Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск, 2015. 156 с.
7. Земцовский И. И. Славяно-финно-угорский причетный мелос: теоретические аспекты проблемы // Из мира устных традиций (Заметки впрок). СПб., 2006. С. 147–160.
8. Йоалайд М. Похоронные причитания вепсов – способ общения с потусторонним миром // Из истории Санкт-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997. С. 17–24.
9. Кондратьева Н. М. Критерии определения ступеней звукоряда при реализации скользящих высотных сегментов в вокальных традициях Северной Азии // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: материалы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 117–123.
10. Кузнецова В. П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 180 с.
11. Курагина И. Б. О некоторых особенностях ритмического строя причитаний средних и северных вепсов // Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма (тез. докл.). Таллин, 1982. С. 32–33.
12. Курагина И. Б. Причетная традиция северных вепсов // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: тез. докл. Петрозаводск. 1981. С. 22–23.
13. Лапин В. Русская песня у вепсов (К вопросу о генезисе народного музыкального мышления) // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 183–216.
14. Рюйтел И. К проблеме взаимосвязи музыкальной структуры вепских и северно-русских причитаний // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 131–133.
15. Рюйтел И., Реммель М. Опыт нотации и исследования вепских причитаний // Финно-угорский фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 169–195.
16. Салве К. О функциях, поэтике и способах исполнения средневепских свадебных причитаний // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 253–271.
17. Семакова И. Б. К проблеме музыкального языка традиционной культуры вепсов // Фольклор и современная духовная культура финно-угров. Саранск, 1993. С. 85–89.
18. Семакова И. Б. О слогах, стоящих под слогарным ударением в музыкально интонируемых причитаниях вепсов. Рукопись хранится в личном архиве автора.
19. Käte-ške käbedaks kägoihudeks «Обернись-ка милой кукушечкой»: Вепские причитания / сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова; нотации С. В. Косыревой. Петрозаводск, 2012. 228 с.

REFERENCES

1. Bernshtam T. A. Obryad «rasstavaniya s krasotoy» (K semantike nekotorykh elementov kul'tury v vostochnoslavjanskom svadebnom obryade) [The Ceremony of “Parting with Beauty” (Concerning the Semantics of Certain Elements of Culture in Eastern Slavic Wedding Ceremonies)]. *Pamyatniki kul'tury narodov Evropy i evropejskoy chasti SSSR* [Monuments of Culture of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR]. Leningrad, 1982, pp. 47–58.
2. Vasil'eva E. E. Vepsskaya melostrofa v mezhduzhanovykh otnosheniyakh prichetnoy traditsii [The Veps Melo-strophe in Inter-Genre Relations of the Tradition of Incantations]. *Simpozium-79 po pribaltiysko-finskoy filologii* [Symposium-1979 on Baltic-Finnish Philology]. Petrozavodsk, 1979, pp. 131–133.
3. Vasil'eva E. E. Vepsskaya prichetnaya melostrofa v mezhduzhanovykh i mezhetnicheskikh otnosheniyakh [The Melo-strophe of Incantations of the

- Veps People in Inter-Genre and Interethnic Relations]. *Sovremennoe finno-ugrovedenie* [Modern Ugro-Finnic Studies]. Leningrad, 1990, pp. 170–177.
4. Zhukova O. Yu. Istoriya sobiraniya vepsskikh prichitaniy [The History of Compilations of Incantations of the Veps People]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie vepsov i rol' muzeya v zhizni mestnogo soobshchestva* [The Historical and Cultural Heritage of the Veps People and the Role of the Museum in the Life of the Local Community]. Petrozavodsk, 2008, pp. 191–195.
 5. Zhukova O. Yu. *Yazykovye osobennosti vepsskikh obryadovykh prichitaniy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Lingual Features of the Veps Ceremonial Incantations: Thesis of Dissertation for the Degree of Candidate of Philology]. Petrozavodsk, 2009. 21 p.
 6. Zhukova O. Yu. *Vepsskie obryadovye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova* [Veps Ceremonial Incantations: from the Poetics of Genre to the Poetics of the Word]. Petrozavodsk, 2015. 156 p.
 7. Zemtsovsky I. I. Slavyano-finno-ugorskiy prichetnyy melos: teoreticheskie aspekty problemy [The Melos of the Slavic and Ugro-Finnic Incantations: the Theoretical Aspects of an Issue]. *Iz mira ustnykh traditsiy (Zametki vprok)*. [From the World of Oral Traditions (Notes for the Future)]. St. Petersburg, 2006, pp. 147–160.
 8. Yoalayd M. Pokhoronnye prichitaniya vepsov – sposob obshcheniya s potustoronnim mirom [Funereal Incantations of the Veps People – a Means of Communication with the Other World]. *Iz istorii Sankt-Peterburgskoy gubernii. Novoe v gumanitarnykh issledovaniyakh* [From the History of St. Petersburg's Province. New Developments in Humanitarian Researches]. St. Petersburg, 1997, pp. 17–24.
 9. Kondrat'eva N. M. Kriterii opredeleniya stupeney zvukoryada pri realizatsii skol'zyashchikh vysotnykh segmentov v vokal'nykh traditsiyakh Severnoy Azii [Criteria of Definition of Steps of a Tone Set upon Realization of Gliding Pitch Segments in the Vocal Traditions of Northern Asia]. *Traditsionnye muzykal'nye kul'tury na rubezhe stoletiy: problemy, metody, perspektivy issledovaniya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Traditional Musical Cultures at the Turn of the Centuries: Issues, Methods, Prospects of Research: Materials of the International Musicological Conference]. Moscow, 2008, pp. 117–123.
 10. Kuznetsova V. P. *Prichitaniya v severno-russkom svadebnom obryade* [Incantations in Northern Russian Wedding Ceremonies]. Petrozavodsk: KarNC RAN, 1993. 180 p.
 11. Kuragina I. B. O nekotorykh osobennostyakh ritmicheskogo stroya prichitaniy srednikh i severnykh vepsov [About Some Features of the Rhythmic Structure of the Incantations of the Middle and Northern Veps People]. *Finno-ugorskiy muzykal'nyy fol'klor: problemy sinkretizma (tez. dokl.)* [Ugro-Finnic Musical Folklore: Issues of Syncretism (Theses of Reports)]. Tallinn, 1982, pp. 32–33.
 12. Kuragina I. B. Prichetnaya traditsiya severnykh vepsov [The Lamentation Tradition of the Northern Veps]. *Mestnye traditsii material'noy i dukhovnoy kul'tury narodov Karelii: tez. dokl.* [Local Traditions of the Material and Spiritual Culture of the Peoples of Karelia: Theses of Reports]. Petrozavodsk. 1981, pp. 22–23.
 13. Lapin V. Russkaya pesnya u vepsov (K voprosu o genezise narodnogo muzykal'nogo myshleniya) [The Russian Song among the Veps Peoples (Concerning the Question of Genesis of National Musical Thinking)]. *Muzykal'noe nasledie finno-ugorskiykh narodov* [The Musical Heritage of the Ugro-Finnic Peoples]. Tallin, 1977, pp. 183–216.
 14. Ryuytel I. K probleme vzaimosvyazi muzykal'noy struktury vepsskikh i severno-russkikh prichitaniy [Concerning the Issue of the Interrelation of Musical Structure of the Veps and North Russian Incantations]. *Simpozium-79 po pribaltiysko-finskoj filologii* [Symposium-1979 on Baltic-Finnish Philology]. Petrozavodsk, 1979, pp. 131–133.
 15. Ryuytel I., Rimmel' M. Opyt notatsii i issledovaniya vepsskikh prichitaniy [An Attempt of Notation and Research of Incantations of the Veps People]. *Finno-ugorskiy fol'klor i vzaimosvyazi s sosednimi kul'turami* [Ugro-Finnic Folk Music and Interrelations with Neighboring Cultures]. Tallin, 1980, pp. 169–195.
 16. Salve K. O funktsiyakh, poetike i sposobakh ispolneniya srednevepsskikh svadebnykh prichitaniy [About the Functions, Poetics and Means of Performance of the Wedding Incantations of the Middle Veps]. *Muzyka v svadebnom obryade finno-ugrov i sosednikh narodov* [Music in the Wedding Ceremony of the Ugro-Finnic and Neighboring Peoples]. Tallinn, 1986, pp. 253–271.
 17. Semakova I. B. K probleme muzykal'nogo yazyka traditsionnoy kul'tury vepsov [Concerning the Issue of the Musical Language of the Traditional Culture of the Veps People]. *Fol'klor i sovremennaya dukhovnaya kul'tura finno-ugrov* [The Folklore and Modern Spiritual Culture of Ugro-Finnic Peoples]. Saransk, 1993, pp. 85–89.
 18. Semakova I. B. *O slogakh, stoyashchikh pod slovarnym udareniem v muzykal'no intoniruemyykh prichitaniyakh vepsov* [About the Syllables Accented in the Dictionary in the Musically Intoned Incantations of the Veps Peoples]. The manuscript is preserved in the author's personal archive.
 19. *Käte-ške käbedaks kägoihudeks "Obernis'-ka miloj kukushechkoy": Vepskie prichitaniya* ["Turn Into a Lovely Cuckoo": Incantations of the Veps People]. Compiled by N. G. Zaytseva, O. Yu. Zhukova; notated by S. V. Kosyreva. Petrozavodsk, 2012. 228 p.

Причитания вепсов: проблемы изучения музыкального языка

Статья посвящена исследованию вепских причитаний – древнейшего, наименее изученного на сегодняшний день жанра устного творчества народов Северной Европы. Существовали различные виды причитаний: *обрядовые* (свадебные, похоронные, рекрутские плачи) и *внеобрядовые* (причитания «по случаю»). В статье даётся представление о наиболее ранних записях вепских причитаний и в целом об истории изучения вепской причеты с точки зрения её музыкальной специфики в России и за рубежом. Выявляя специфику данного музыкально-поэтического жанра вепского этноса, автор рассматривает вопросы изучения музыкального языка, в частности, вокального строя. Для большинства вепских похоронных причитаний характерно постепенное повышение тесситуры, причиной чего очевидно является интенсивность интонирования, связанная с повышенной эмоциональностью. Это в свою очередь обуславливает нестабильность вокального строя, слагающегося из стабильных и мобильных сегментов звуковой ткани. При исследовании музыкальной культуры вепсов, в частности, анализе звуковысотных структур, вокальных строев в причитаниях (которые не отражает существующая система нотной графики), были применены современные исследовательские методы этномusicологии с использованием компьютерных технологий (с программным обеспечением, позволяющим выполнить детальный анализ временной структуры любого музыкального сигнала).

Ключевые слова: культура Русского Севера, прибалтийско-финский фольклор, вепские причитания, обрядовая коммуникация, вокальный строй причитаний.

The Incantations of the Veps People: Issues of Learning a Musical Language

The article is devoted to research of incantations of the Veps people – an ancient genre of oral ritual poetry of the peoples of Northern Europe, one that is the least studied at the present day. There have been various kind of incantations in existence: the *ritual* (pertaining to weddings, funerals and recruits) and *non-ritual* (“ad hoc” incantations). The article gives an idea of the earliest notated incantations of the Veps peoples and, in general, of the history of research of Veps incantations from the point of view of their musical specificity in Russia and in other countries. While revealing the specificity of this musical and poetical genre of the Veps ethnicity, the author examines issues of researching the language of music, in particular, the vocal technique. Most of the Veps’ funereal incantations are characterized by their gradual rise of tessitura, which is obviously caused by the intensity of intonating, connected with a heightened emotionality. This, in its turn, stipulates the *instability of the vocal technique*, assembled from stable and mobile segments of the sound fabric. The research of the Veps musical culture, in particular, the analysis of the pitch structures and the vocal techniques in the incantations (which cannot be expressed by our established system of musical notation), have been carried out with the aid of contemporary research methods of ethnomusicology with the application of computer technologies (with provision of programs making it possible to carry out a detailed analysis of the temporal structure of any type of musical signal).

Keywords: the culture of the Russian North, Baltic-Finnic folk music, incantations of the Veps people, ritual communication, the vocal technique of incantations.

Косырева Светлана Витальевна

ORCID: 0000-0002-4818-1643

кандидат искусствоведения,

доцент кафедры истории музыки

E-mail: svetlana.kosyreva@glazunovcons.ru

Петрозаводская государственная

консерватории имени А. К. Глазунова

Петрозаводск, 185031 Российская Федерация

Svetlana V. Kosyreva

ORCID: 0000-0002-4818-1643

PhD (Arts),

Associate Professor at the Music History Department

E-mail: svetlana.kosyreva@glazunovcons.ru

Petrozavodskaya gosudarstvennaya konservatoriya

im. A. K. Glazunova

Petrozavodsk State A. K. Glazunov Conservatory

Petrozavodsk, 185031 Russian Federation